

Ангелочек — эпизод 2 из 6

Сашка презрительно шморгнул носом и прошел за перегородку, где слышалось тяжелое дыхание отца, Ивана Саввича. Ему всегда было холодно, и он старался согреться, сидя на раскаленной лежанке и подкладывая под себя руки ладонями книзу.

Сашка! А тебя Свечниковы на елку звали. Горничная приходила, прошептал он.

Врешь? спросил с недоверием Сашка.

Ей-Богу. Эта ведьма нарочно ничего не говорит, а уж и куртку приготовила.

Врешь? все больше удивлялся Сашка.

Богачи Свечниковы, определившие его в гимназию, не велели после его исключения показываться к ним. Отец еще раз побожился, и Сашка задумался.

Ну-ка подвинься, расселся! сказал он отцу, прыгая на коротенькую лежанку, и добавил: А к этим чертям я не пойду. Жирны больно станут, если еще я к ним пойду. Испорченный мальчик, протянул Сашка в нос Сами хороши, антипы толсторожие.

Ах, Сашка, Сашка! поежился от холода отец. Не сносить тебе головы.

А ты-то сносил? грубо возразил Сашка. Молчал бы уж: бабы боится. Эх, тюрьма! Отец сидел молча и ежился. Слабый свет проникал через широкую щель сверху, где перегородка на четверть не доходила до потолка, и светлым пятном ложился на его высокий лоб, под которым чернели глубокие глазные впадины. Когда-то Иван Саввич сильно пил водку, и тогда жена боялась и ненавидела его. Но, когда он начал харкать кровью и не мог больше пить, стала пить она, постепенно привыкая к водке. И тогда она выместила все, что ей пришлось выстрадать от высокого узкогрудого человека, который говорил непонятные слова, выгонялся за строптивость и пьянство со службы и навел к себе таких же длинноволосых безобразников и гордецов, как и он сам. В противоположность мужу она здоровела по мере того, как пила, и кулаки ее все тяжелели. Теперь она говорила, что хотела, теперь она водила к себе мужчин и женщин, каких хотела, и громко пела с ними веселые песни. А он лежал за перегородкой, молчаливый, съезжившийся от постоянного озноба, и думал о несправедливости и ужасе человеческой жизни. И всем, с кем ни приходилось говорить жене Ивана Саввича, она жаловалась, что нет у нее на свете таких врагов, как муж и сын: оба гордецы и статистики.

Через час мать говорила Сашке:

А я тебе говорю, что ты пойдешь! И при каждом слове Феоктиста Петровна

ударяла кулаком по столу, на котором вымытые стаканы прыгали и звякали друг о друга.

А я тебе говорю, что не пойду, хладнокровно отвечал Сашка, и углы губ его подергивались от желания оскалить зубы. В гимназии за эту привычку его звали волчонком.

Изобью я тебя, ох, как изобью! кричала мать.

Что же, избеи!

Феоктиста Петровна знала, что бить сына, который стал кусаться, она уже не может, а если выгнать на улицу, то он отправится шататься и скорей замерзнет, чем пойдет к Свечниковым; поэтому она прибегла к авторитету мужа.

А еще отец называется: не может мать от оскорблений оберечь.

Правда, Сашка, ступай, что ломаешься? отозвался тот с лежанки. Они, может быть, опять тебя устроят. Они люди добрые.

Сашка оскорбительно усмехнулся. Отец давно, до Сашкина еще рождения, был учителем у Свечниковых и с тех пор думал, что они самые хорошие люди. Тогда он еще служил в земской статистике и ничего не пил. Разошелся он с ними после того, как женился на забеременевшей от него дочери квартирной хозяйки, стал пить и опустился до такой степени, что его, пьяного, поднимали на улице и отвозили в участок. Но Свечниковы продолжали помогать ему деньгами, и Феоктиста Петровна, хотя ненавидела их, как книги и. все, что связывалось с прошлым ее мужа, дорожила знакомством и хвалилась им.

Может быть, и мне что-нибудь с елки принесешь, продолжал отец.

Он хитрил, Сашка понимал это и презирал отца за слабость и ложь, но ему действительно захотелось что-нибудь принести больному и жалкому человеку. Он давно уже сидит без хорошего табаку.

Ну, ладно! буркнул он. Давай, что ли, куртку. Пуговицы пришила? А то ведь я тебя знаю!